

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Жигаловой Натальи Эдуардовны «Турки и турецкая угроза в византийской исторической литературе XV в.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (Древний мир и Средние века)

Реконструкция причин и механизмов развития кризиса в Византийской цивилизации в XIV—XV вв. до сих пор остается одной из фундаментальных проблем исторического знания, не разрешенных до сих пор. Падение Византийской цивилизации явилось одним из наиболее влиятельных и масштабных событий Средневековья, навсегда изменившим облик не только христианского мира, но и шире — всего «большого» Средиземноморья. Это событие имело множество аспектов — и социо-экономический, и политико-дипломатический, и военный, и религиозный, и идеологический. Много сделано в науке для реконструкции «внешней» канвы событий — выяснения перипетий военного и политико-дипломатического соперничества Византийского мира с окружающими его христианскими и мусульманскими обществами. Довольно хорошо удалось выяснить логику развития межконфессиональных греко-латинских отношений в эту эпоху. Несколько хуже мы понимаем эволюцию в ту эпоху византийских экономических структур, но, тем не менее, общая картина развития хозяйственного кризиса, как кажется, восстановлена.

Наряду с обозначенными важными проблемами наименее изученной остается эволюция византийской ментальности, т.е. тех существенных изменений в самосознании византийцев, которые, с одной стороны, явились результатом политических и социально-экономических и иных «внешних» изменений, а с другой —

влиятельным фактором, предопределявшим реакцию византийцев на новые вызовы истории. Причем, именно задача реконструкции ментальных структур представляется наиболее сложной с точки зрения применяемой методологии. Ибо тут мы имеем дело с актуальным сознанием человека, сталкиваясь с его сложной, многослойной, недифференцированной и недовысказанной, изменчивой материей.

Научная насущность обсуждаемой сегодня диссертационной работы Натальи Эдуардовны Жигаловой обусловлена в первую очередь избранной диссертанткой темой — а именно, попыткой реконструкции византийского сознания в эпоху нарастания кризиса и, в конце концов, коллапса цивилизации в середине XV в. Причем, диссертантка фокусируется на, пожалуй, наименее изученном и весьма запутанном и противоречивом сюжете — отношении византийского сознания к туркам и их нараставшему давлению на Византию. Весьма актуальны и в высшей степени уместны методические и методологические подходы, применяемые диссертанткой для решения этой задачи. Наталья Эдуардовна Жигалова развивает свое исследование в концептуальных рамках современной аллологии и имагологии, которые выработали специфический аналитический инструментарий для реконструкции «образа Чужого», «образа Другого». Диссертантка поставила перед собой весьма актуальную и своевременную задачу реконструкции византийского образа «воображаемого тюрка» (подражая словоупотреблению Жильбера Дагрона — *le Turc imaginaire*).

Структура диссертации вполне логична и убедительна. Работа состоит из трех глав. В I главе дается источниковедческая характеристика византийских текстов по истории византийско-османских взаимоотношений в XV в. Далее во II главе описывается

отображение в византийской литературе военно-политических конфликтов и контактов с османами в первой половине XV в. Наталья Эдуардовна Жигалова исследует трактовку византийскими писателями кризисных событий, как, например, осады Константинополя турками в 1422 и Фессалоники в 1422—1430 гг., турецкую экспансию во второй четверти XV в. Впервые в мировой историографии дается развернутая характеристика малоисследованных византийских источников, как то сочинение Параспондила Зотикоса, которое ни в зарубежной, ни в российской историографии ранее не привлекалось для анализа восприятия византийцами турецкой угрозы. Диссертантка дает подробный анализ трудов других малоисследованных авторов — в первую очередь, Симеона Солунского и Анагноста.

Наконец, в III главе автор анализирует сам образ турок, конструируемый византийскими авторами. Наиболее важна, интересна и насыщена новым материалом последняя III глава работы, в которой диссертантка обсуждает именованья турок, их религиозную и этническую, моральную и этическую характеристику, а также суждения византийцев о системе девширме. В той же третьей главе диссертантка анализирует индивидуальные и типовые черты в образах турецких султанов. Глава завершается подробным обсуждением проблемы византийского туркофильства.

В результате диссертантка впервые в мировой науке дает комплексный анализ византийских историографических источников XV в., реконструирует эволюцию взглядов византийских авторов на турок-османов, исследует видение византийцами турецкой угрозы, прослеживает эволюцию византийского самосознания, инициированную участвовавшими и углубившимися контактами с турками, а также

усилением политического давления с их стороны. Наталья Эдуардовна Жигалова собрала и проанализировала весьма богатый, часто абсолютно новый источниковый материал. Несомненно, работа заслуживает высокой оценки — она весьма насущна и актуальна, представляет собою значительный научный вклад, вносящий важную лепту в заполнение досадной лакуны в нашем видении поздневизантийской истории.

Диссертационный текст, однако, не лишен огрехов и лакун, а в ряде случаев инициирует у читателя полемические комментарии и замечания. Часть замечаний носят в большей или меньшей степени концептуальный характер, другие — касаются мелких огрехов почти технического характера. Я начну с концептуальных соображений. Наталья Эдуардовна Жигалова абсолютно справедливо расширила набор исследуемых источников за счет текстов, хронологически предшествующих главной теме диссертации, привлекая, например, сочинения Григория Паламы о его турецком плене. Однако тут диссертантка не проявила должной последовательности. Так, автор полностью опускает важнейшую проблему отношения Иоанна VI Кантакузина к тюркам и исламу в целом. А именно позиция Кантакузина во многом предопределила будущую эволюцию образа турок и их культуры в византийской письменности. Конечно, детальный анализ первоисточников, касающихся мировоззрения Иоанна Кантакузина, был бы излишним в рассматриваемой диссертации. Однако, на мой взгляд, нельзя было не привлечь авторитетное и подробное исследование на эту тему Клауса-Петера Тодта (*Todt K.-P. Kaiser Johannes VI Kantakuzenos und der Islam. Politische Realität und*

theologische Polemik im palaiologenzeitlichen Byzanz. Würzburg; Altenberge, 1991).

Совершенно необъяснимым для меня остается игнорирование диссертанткой центрального для ее темы текста — а именно, изданного Эрихом Траппом «Диалога с персом», принадлежащего перу императора Мануила II Палеолога (*Trapp E. Manuel II. Palaiologos. Dialoge mit einem "Perser"*. Wien: Böhlau, 1966). Наконец, диссертантка упускает полезную обзорную статью Отто Мазала, посвященное особенностям отношения к исламу поздневизантийских интеллектуалов (*Mazal, Otto. Zur geistigen Auseinandersetzung zwischen Christentum und Islam in Spätbyzantinischer Zeit // Orientalische Kultur und europäisches Mittelalter*, ed. Gudrun Vuillemin-Diem, Albert Zimmermann, and Ingrid Craemer-Ruegenberg. Berlin; New York, 1985. S. 1—19).

Другое существенное концептуальное замечание. Наталья Эдуардовна Жигалова собрала весьма богатый и свежий материал относительно пресловутой «византийской туркофилии» (с. 172—187). Базируясь на глубоком анализе источников, диссертантка постулирует значительную степень инструментальности «туркофильства» византийцев. Туркофильство не было следствием их желания «стать» турками или каким-то образом быть «похожими» на турок в культурном и конфессиональном плане. Туркофильство, как справедливо показывает диссертантка, подразумевало скорее получение некоей материальной или политической выгоды от союза с турками. Я вполне разделял в своих прежних работах и разделяю сейчас эту оценку так называемого «византийского туркофильства». Однако, что упускает диссертантка, сам концепт «византийское туркофильство» вряд ли имеет право на существование. Он был сконструирован еще в середине

XX в. исследователями-византистами (Э. Эверт-Каппесова, З.В. Удальцова), но он вряд ли может адекватно описывать реалии XV в. Дело заключается в том, что сами византийцы не знали такого понятия, как «туркофилия»: слово *τουρκόφιλος* впервые появляется в эпоху борьбы за независимость в начале XIX в., а именно в 1829 г., синонимичное ему *φιλότουρκος* и абстрактное *τουρκοφιλία* впервые зафиксированы еще позже — в 1888–1889 гг. Действительно, в византийское время существовал похожий термин, описывающий «склонность» к латинянам, — *λατινόφρων*, то есть «единомышленник латинян». Тем не менее *λατινόφρων* указывало лишь на сочувствие к религиозным идеям католиков, но не на культурную или политическую привязанность к Западу. К VIII в. восходит аналогичный термин *σαρακηνόφρων* («единомышленник сарацин»), который приобрел распространение во время иконоборческого кризиса. В догматическом «сарацинстве» обвиняли друг друга и иконоборцы, и иконопочитатели. Однако, насколько мне известно, в поздневизантийское время *σαρακηνόφρων* никогда не применялось для описания текущей ситуации. Как кажется, византийцы не думали о себе как о способных быть «единомышленниками» турок. Эта идея была совершенно чужда их ментальности. Следовательно, вряд ли правомерно предполагать существование в Византии какой-то особой «туркофильской партии» или «туркофильской тенденции».

В связи с тем же «туркофильством» есть еще одно замечание. Диссертантка характеризует как «туркофильские» сочинения Георгия Трапезундского, обратившего целый ряд своих текстов к Мехмеду II. Вместе с тем, существует работа Ксении Игоревны Лобовиковой, которая дала абсолютно новый и весьма убедительный анализ

внутренних смыслов этого обращения. Как показала К.И. Лобовикова, идея Георгия заключалась не в том, чтобы «объединить» христианство и ислам во что-то третье и общее (т.е. по-существу, создать новую религию, что является нонсенсом), как это считалось в науке прежде, но убедить Мехмеда II перейти в христианство и вернуть его государству статус истинной *Rex Romana*. Наталья Эдуардовна Жигалова знает эту работу К.И. Лобовиковой, ссылается на нее, но ее оригинальная интерпретация необъяснимо оставлена без внимания (ни приятия, ни критики); диссертантка продолжает развивать традиционную точку зрения о некоем странном «объединении мусульманства и христианства» (с. 176—179, 184).

Далее, обсуждая взгляды византийцев на турок и возможные источники сведений о них на протяжении всей работы, диссертантка не проблематизирует важную тему знания византийскими авторами тюркского и персидского языков. Да, автор упоминает о двуязычии Феолога Коракса, но не более того. Причем, совершенно очевидно, что, по крайней мере, два центральных для диссертации автора — Дука и Халкокондил, по всей вероятности, знали турецкий и говорили на нем. Это не могло не сказаться на номенклатуре обсуждаемых этими авторами сюжетов. Более того, диссертантка не обсуждает и другую специфическую реалию той эпохи — многие турки говорили на греческом языке, который все еще оставался *lingua franca* для обширного балканского и малоазийского региона.

Далее. Наталья Эдуардовна Жигалова дает подробный и добротный анализ этнической номенклатуры, прилагавшейся византийцами к османам (с. 100—115). Особенно полезным и интересным является попытка диссертантки разобраться в соотношении

этнонимии, конфессиональных маркеров и византийского концепта «варвар». В этом разделе следовало обсудить и термин «Ахемениды», прилагавшийся к османам с XIV в. — его диссертантка опускает.

Другая часть моих замечаний касается более мелких недочетов и технических огрехов. Следует подчеркнуть, что с точки зрения формально-технической работа выполнена на высоком уровне — практически отсутствуют опечатки и стилистические огрехи, неукоснительно соблюдаются правила цитирования. В этом смысле диссертация оставляет самое благоприятное впечатление. Однако все же в работе присутствует целый ряд мелких огрехов. Так, например, русский родительный падеж от Μηρσαῖτης будет «Мирсаита», но не «Мирсайты», как это у диссертанта (с. 22, 62); византийцы не считали мусульман еретиками, как утверждает автор, но только язычниками (с. 3); на с. 24 «Ксантафул» следует поправить на «Ксанфопул»; фр. Greques следует исправить на Grecques (passim); на с. 50 ἀσεβής «нечестивый» стоит во множественном числе, хотя должно было бы стоять в единственном; на с. 102 множественное число этого же слова передано несуществующим ἀσεβοῖ вместо правильного ἀσεβεῖς; «кафир» слово арабское, но не персидское (с. 50 сн. 194); не Теолог Коракас, но Феолог Коракас (с. 59—60). Автор на с. 3 использует термин «турки-сельджуки». Да, этот термин широко распространен в русскоязычной научной и научно-популярной литературе. Однако он явно анахроничен: в отечественной тюркологии термин «турки» применяется сугубо к населению Османской империи и Республики Турция. Для сельджуков следует употреблять исключительно «тюрки», как более общий, родовой термин, обнимающий все тюркские народы.

В диссертации присутствуют и некоторые библиографические лакуны. Перечислим некоторые, наиболее важные из них. Так, сочинение Иоанна Канана активно исследуется молодым византинистом А.Ю. Черновым, что диссертантка никак не учитывает:

Чернов А.Ю. Поздневизантийское фамильное имя Καναρός / Cananus: проблемы этимологии и просопографии // Клио. Т. 138. № 6. СПб., 2018. С. 51—61; *Он же.* К вопросу об эсхатологическом контексте сочинения Иоанна Канана // Византийский временник. 2017. Т. 101. С. 157—173.

Значительный пласт литературы, касающийся Лаоника Халкокондила упущен диссертанткой (хотя и не все эти работы касаются турок, но они важны в целом для понимания Халкокондила):

Коробейников Д. А. Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Байазиды I Йылдырыма в Малой Азии // Византийские очерки. 1996. С. 152—168.

Nimet A. Die türkische Prosopographie bei Laonikos Chalkokandyles. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Hamburgischen Universität. Hamburg, 1933.

Ditten, Hans. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles: Deutschlands-Exkurs // Byzantinische Forschungen. 1966. Bd. 1. S. 49—75.

Ditten, Hans. Bemerkungen zu Laonikos Chalkokondyles. Nachrichten über die Länder und Völker an den europäischen Küsten des Schwarzen Meeres (15. Jahrhundert u. Z.) // Klio. 1965. Bd. 43—45. S. 185—246.

Ditten, Hans. Известия Лаоника Халкокондила о России (I, 122.5-126.9) // Византийский временник. 1961. Т. 21. С. 51—94.

Ditten, Hans. Spanien und die Spanier im Spiegel der Geschichtsschreibung des byzantinischen Historikers Chalkokondyles (15. Jh.) // *Helikon*. 1963. Bd. 3. S. 170—195.

Ditten, Hans. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles, interpretiert und mit Erläuterungen versehen. Berlin, 1968.

Наконец, в разделе по образу турок в византийских источниках нельзя было не использовать книгу Энтони Калделлиса, важную для уяснения принципов построения образа «чужого» в византийской письменности:

Kaldellis, Anthony. *Ethnography After Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Empire and After.* Philadelphia, 2013.

Столь длинный список замечаний не должен смущать. Всякое творчески и честно написанное исследование порождает у читателя (а тем более у официального оппонента) ответное мыслительное движение, которое временами обретает форму возражения автору, временами подталкивает автора к дальнейшему развитию его идеи, временами и предлагает открыть новый исследовательский горизонт. Отмеченные огрехи и сформулированные выше замечания не сказываются на общем благоприятном впечатлении от работы.

Диссертация Натальи Эдуардовны Жигаловой выполнена на высоком научном уровне, отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Ее содержание и результаты полноценно отражены в публикациях автора – всего 11 статей и тезисов, из них 4 статьи изданы в журналах, входящих в утвержденный ВАК РФ перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Результаты исследования прошли апробацию в

докладах диссертантки на российских и международных научных конгрессах и конференциях. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации.

Диссертация Натальи Эдуардовной Жигаловой является самостоятельной научно-квалификационной работой, содержит ряд научно-значимых результатов, соответствует паспорту специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века) и требованиям ПП. 9, 10, 11, 12, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации и. 842 от 24 сентября 2013 г. №. 842 (в ред. от 02. 08. 2016).

Наталья Эдуардовна Жигалова заслуживает присвоения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века).

Официальный оппонент
Доктор исторических наук (специальность 07.00.03),
доцент кафедры истории Средних веков
Исторического факультета
ФГБОУ ВО «Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1,
Рабочий телефон: +7(495)939-35-51

Рустам Мухамедович Шукуров

12 февраля 2019 г.

Подпись
Жигалова Р.М.
Заверяю

